

ский), деепричастиями (латышский, эстонский), инфинитивами (эстонский), отглагольными существительными (ливский). Генетически тождественными среди них являются только литовские и латышские формы.

Грамматическое оформление семантической категории пересказанности в балтийских языках может быть отнесено к эпохе движения балтийских племен на север, в области, населенные предшественниками ливов и эстонцев, т.е. к У-УІ вв. н.э. В это время прибалтийско-финское языковое единство уже не существовало, а восточнобалтийские языки еще образовывали такую общность, в которой новые явления могли свободно распространяться.

Степень интенсивности употребления косвенного склонения в восточнобалтийских языках до сих пор примерно соответствует близости их связей с прибалтийско-финскими языками: оно наиболее употребительно в латышском языке и в западных, северных и северо-восточных говорах литовского языка, т.е. в зонах контактов литовского языка с селонским и куршским языками, теснее связанными с прибалтийско-финскими; в южной Литве страдательные причастия в формах среднего рода значение пересказанности имеют уже гораздо реже, чем действительные причастия в восточноаукштайтских и жямайтских говорах. Это позволяет предполагать, что категория пересказанности в балтийских языках распространялась с севера на юг.

Образование косвенного склонения на основании древней предикативной функции отглагольных имен можно считать ярким примером распространения и грамматикализации тождественной семантической категории в контактных областях прямо неродственных языков.

О СЕЛОНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СУБСТРАТЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ

Как признают историки и языковеды - специалисты по истории балтийских языков - в первом тысячелетии и в начале второго тысячелетия нашей эры в северо-восточной Литве обитали селоны, а точнее - южная часть этого племени. Таким образом, северо-восточную Литву и юго-восточную Латвию в это время населяло одно племя - селоны.

О селонском языковом субстрате в северо-восточной Литве писали классики балтийского языкознания К.Буга и Я.Эндзелин, а в наши дни на некоторые языковые явления в северо-восточной Литве, которые можно объяснить влиянием селонского языкового субстрата, обратили внимание С.Каралинас и А.Брейдак. Но до сих пор не имеется всестороннего исследования по этому вопросу. Не претендуя на всеобъемлющий анализ этой проблемы, в своем докладе мы рассмотрим лишь некоторые фонетические явления северовосточнолитовских говоров, которые с большей или меньшей долей вероятности можно объяснить влиянием селонского языкового субстрата.

1. Д и с т р и б у ц и я г л а с н ы х $\text{ɔ} : \text{a}$. В аникитенском и купшкенском говорах в ударном неоконечном слогом наличествует гласный ɔ (точнее o или a) вместо литературного a , в неударном же неоконечном слогом - гласный a , напр. põmas "дом", но pašai "дома". Аналогичная дистрибуция гласных ɔ (или a): a в зависимости от ударности или неударности позиции наличествует и во многих селонских (и латгальских) говорах, напр., vosara или vāvara "лето". Разумеется, закон ди-

стрибуции ɔ (ɔ , ā): a в аникштенском и купишкенском говорах, с одной стороны, и в селонских (и латгальских) говорах, с другой стороны, переплетается и с другими специфическими правилами дистрибуции ɔ (ɔ , ā): a , свойственными только северовосточнолитовским или селано-латгальским говорам.

2. Перегласовка $\text{e} > \text{a}$ и $\text{ē} > \text{ā}$. В купишкенском говоре сохранились следы позиционной перегласовки $\text{e} > \text{a}$ и $\text{ē} > \text{ā}$, идентичной с такой же перегласовкой $\text{e} > \text{a}$ и $\text{ē} > \text{ā}$ в селонских (и латгальских) говорах, напр.: madus "мед", tāvas "отец" в купишкенском говоре и mas "мед", tavs "отец" в селонских (и латгальских) говорах.

3. Аффрикатизация смычного k' . К. Буга считает топонимы с аффрикатой č вместо ожидаемого смычного k' в северо-восточной Литве (напр., Čičirys, Čėdasas и др.) селонскими по происхождению. С таким мнением, опуская детали объяснения, можно согласиться, ибо во многих селонских (и латгальских) говорах и по сей день наличествует аффриката č вместо ожидаемого смычного k' , а, учитывая данные истории этих говоров, ясно, что аффрикатизация взрывного k' наличествовала во всем ареале селонского и латгальского племенных языков.

В итоге можно сказать, что северо-восточные говоры Литвы и топонимия этого региона содержат некоторый материал, свидетельствующий о селонском языковом субстрате в северо-восточной Литве.

А.П.Ванагас (Вильнюс)

ВКЛАД ДРУГИХ БАЛТИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК (ПО ТОПОНИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

В своем развитии литовский язык претерпел влияние других балтийских диалектов, ареалы которых в той или иной степени покрываются территорией современного литовского этноса. Наиболее отчетливо это влияние проявляется на онимическом, в особенности, топонимическом уровне. Примечательно, что некоторые топонимические элементы исчезнувших (довольно давно - XIII, XIV вв.) балтийских диалектов влились в литовский язык, созная такие языковые черты, которые в соответствующих случаях не свойственны литовскому языку, напр.: наличие согласных z , z вместо ž , š (Azāgis, Zebrius, Zėlvė, Zalulis; Kirana, Apvingė, Apusinas, Idkstas); сохранение тавтосиллабического n в западно-жямайских диалектах (Tėnzė, Rėnzė, Impiltis / Impiltis), респект балтийского дифтонга ei вместо ie (Leipalīngis, Veisīejis, Sėivės) и др. Топонимы, имеющие особенности этого рода, вошли в систему литовского языка сравнительно поздно, можно сказать, механически, до сих пор оставаясь лингвистически обособленными ее элементами. Их обособленность проявляется, в частности, и в том, что топонимы такого рода стали фактом литовского языка после завершения соответствующих фонетических изменений в собственно литовском языке (напр., после изменения балт. ei в ie). Эти и ряд других обстоятельств, в том числе устойчивость самой топонимической системы, содействовали тому, что субстрат других балтийских диалектов не повлиял, не сыграл роли катализатора при развитии данной системы. Это не